

НАУЧНО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА СОЦИАЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Е.В. Аристов, кандидат юридических наук

Статья посвящена исследованию доктрины социальности государства. Представлен авторский макроконцепт понимания и толкования ключевых основ и каркаса социальности государства.

Ключевые слова: социальное государство, социальность государства, конституционное право, основа конституционного строя, конституционно-правовой принцип.

Часть 1 статьи 7 Конституции Российской Федерации [4] устанавливает одну из основ конституционного строя Российской Федерации – социальность государства, отчасти расшифровывая это понятие через презюмирование направленности политики государства «на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Данное конституционное правоположение корреспондирует положениям Преамбулы Конституции Российской Федерации о стремлении «обеспечить благополучие и процветание России» и о признании «ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями».

Конституционный императив социальности государства нашел свое отражение не только во множестве законодательных актов, но и в целом ряде концептуально-программных документов как федерального, так и субъектового (регионального) уровня. Так, в разделе II Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.12.2011 № 2227-р [9], указано, что «Россия ставит перед собой амби-

циозные, но достижимые цели долгосрочного развития, заключающиеся в обеспечении высокого уровня благосостояния населения...».

Распространение в XX веке социальных прав как важнейшей категории прав человека способствовало генезису социального государства, или, иначе, государства благосостояния (далее мы будем понимать эти термины как синонимичные). Однако в настоящее время ключевой проблемой конституционно-правовой науки является отсутствие общетеоретических представлений о целом ряде важнейших конституционно-правовых категорий, прежде всего тех, которые отражают важнейшие основы конституционного строя. И если, к примеру, понятие правового государства [5] и понятие светскости государства [6] надлежащим образом исследованы и во всей полноте интерпретированы, то применительно к понятию социальности государства есть очень серьезные проблемы адекватности интерпретации.

Понятия социального государства (англ. – welfare state, нем. – Sozialstaat или Wohlfahrtsstaat; итал. – Stato sociale; испан. – Estado social, Estado del bienestar,

Estado benefactor или Estado providencia; франц. – l'État providence; голл. – Verzorgingsstat, шведск. – välfärdsstat или folkhemmet; португ. – Estado de bem-estar social, Estado-providência или Estado social) и социальности государства (англ. – welfaring of the State) являются на сегодня, при всем изобилии посвященных этим понятиям публикаций, наименее исследованными ключевыми конституционными характеристиками современного демократического государства.

«В основе процветания государства, – указывает Ю.Н. Стариков, непременно должно находиться благосостояние народа, обеспечением которого обязано заниматься сильное государство» [10, с. 221]. Утрата этого ориентира, катастрофическая и прогрессирующая деградация социальной инфраструктуры, по мнению некоторых авторов, ведет к несостоятельности государства [8].

В частности, не сложилось единого понимания данного правового феномена. Поэтому автором статьи проведено отдельное монографическое исследование конституционно-правового принципа социальности государства [1]. Существующие научные подходы к интерпретации и экспликации (объяснения) концепта социальности государства являются статико-ориентированными, не пригодными или малоприспособленными для экстраполяции на текущие и будущие (антиципативно рассматриваемые) динамические процессы трансформации социальности государства.

Важнейшим содержательным моментом для понимания и толкования сущности социального государства является проблема бедности. Понятие

и явление бедности, а также ее юридический аспект раскрыты автором в соответствующей монографии [3].

Исследования автором настоящей статьи отечественной и зарубежной судебной практики в отдельном исследовании [1] и **научно-правовой доктрины социальности государства**, выстроенной на результатах произведенного концептуально оформленных оценки и референцирования ключевых источников социальности государства, в качестве которых понимаются и закладываются важнейшие конституционно-правовые принципы и конституционные гарантии социальных прав личности и народа, сформулированных научных обобщениях относительно правовой природы и содержания социальности государства, синтезированных авторских дефиниций основных понятий темы и классификаций моделей социального государства, основанной на признании принципа социальности государства как основополагающего принципа построения современного демократического правового государства и как саморазвивающейся парадигмы. Эта саморазвивающаяся парадигма в современном мире испытывает множество негативных воздействий, направленных на ее разрушение и обесценивание. Полное обесценивание парадигмы социальности государства, либо превышение уровнем игнорирования и нарушения императивов, проистекающих из социальности государства, определенной критической черты неминуемо влечет политическую дефолтность государства.

Конституционно-правовая природа социальности государства может

быть описана через формулирование следующих модусов социальности государства [2]:

1) социальность государства не сводима к конкретным социальным правам, поскольку представляет собой фундаментальную и универсальную конституционно-правовую нормативную и конституционно-идеологическую платформу, на которой базируется весь комплекс естественных (в части признания государством и гарантирования) и позитивных (в части создания государством и гарантирования) конституционно гарантированных социальных прав человека и гражданина, а также отрасли права социального обеспечения; парадигма социальности государства выступает источником большинства конкретных прав, но при этом указанная парадигма не может низводиться до уровня программирования шкал конкретных прав индивидов, которые сопрягаются лишь с отдельными конкретными механизмами реализации парадигмы социального государства; указанное ограничение уравнивается тем, в частности, что социальность государства (как один из редчайших случаев) может придавать нормам права, их действию ретроактивный эффект (действия в интересах общего блага, в том числе и в конкретных частных случаях);

2) конституционный императив социальности государства проистекает из следующих фундаментальных прав народа, населяющего территорию государства и выступающего основным бенефициаром продукта социального государства:

- право народа на человеческую, нравственную и справедливую власть;

- право народа на преимущественное использование своих собственных национальных богатств в интересах своего жизнеобеспечения и своего развития;

- исключительное право на обладание властью, на самопозиционирование народом и на признание его (властью и третьими лицами) как единственного источника власти (лишь делегирующего власть органам публичной власти для обслуживания публичных интересов);

3) основным производимым социальным государством и востребованным населением в этом контексте продуктом является справедливый и человеческий социальный порядок, в рамках которого гарантируются минимальные социальные стандарты качества и уровня жизни, осуществляется отправление фидуциарных (по отношению к народу) обязанностей (т. е. в наилучших интересах народа), предоставляется конституционно гарантированная социальная поддержка и помощь;

4) социальность государства, являясь (как конституционный принцип) производным устойчивого сложного консоциативного синергетического сочетания принципа исключительности обладания властью народом, выступающим единственным ее источником, принципа человечности и нравственности государства, принципа справедливости государства, принципа связанности государства интересами достижения, производства, сохранения и развития общих (публичных) благ, других конституционных принципов (с которыми принцип социальности обладает устойчивыми системными взаимосвязями), – представляет собой юри-

дикопарадигмальный скелет (*vinculum juris*) конституционного порядка (и публичного порядка в целом) и конституционного права (как отрасли права и как научного направления) современного и ожидаемого в будущем демократического правового государства, а также парадигмальную аттрактивную ось (как область схождения, область притяжения) деятельности государства;

5) социальность государства является производным конвенционально-компромиссного сочетания умеренного государственного патернализма (консоциативно-солидарного типа) и связанной с ним конституционной экономики, с одной стороны, и стремления к формированию общества как внутренне взаимосвязанного множества самовоспроизводящихся и самообеспечивающих систем, с другой;

6) поскольку конституционная свобода от бедности и связанное с нею конституционное право на защиту от бедности, выступая производным от целого ряда конституционно и международно-гарантированных фундаментальных естественных прав человека, являются одними из наиболее важных прав и свобод и обеспечивают одни из наиболее важных законных интересов человека, семьи и народа в целом, обоснованно говорить о конституционном праве на социальность государства;

7) всеобщность социальности государства (социальность государства – не только для определенных социальных групп, а для всего общества в целом), следствием чего являются всеобщность права на социальность государства и всеобщность цели благосостояния (т. е. благосостояния для всего населе-

ния в целом, что не исключает позитивной дискриминации отдельных уязвимых групп, в частности – детей, семей с детьми, малочисленных народов и т. д., не исключает возможности некоторого социального расслоения), а также определенные гарантируемые (подлежащие гарантированию) государством минимальные социальные стандарты качества и уровня жизни, раскрытые автором в отдельном исследовании;

8) в основе социальности государства лежит сложное сочетание принципа всеобщности и принципа избирательной позитивной дискриминации (принципа пристрастности).

Российская Федерация может быть обоснованно оценена по критерию ответственности ключевым критериям социальности государства как, действительно, социальное государство с вполне достаточным объемом закрепленных на конституционном уровне правовых императивов и гарантий, но в воплощенности, реальной обеспеченности императивов социальности как государство довольно слабое – со слабым потенциалом устойчивости даже на настоящем компромиссном уровне, с существенной разновесностью качества воплощения социального государства в разных областях общественных отношений (от вполне приемлемого до совершенно не выдерживающего критики). В Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации 2003, 2004, 2005, 2007, 2008 и 2009 годов проблеме преодоления бедности населения, обязательствам государства в этой сфере было уделено самое пристальное внимание, эта проблема напрямую

была обозначена. В Посланиях 2006, 2010, 2011, 2012, 2013 и 2014 годов эта проблема была затронута опосредованно. В Послании 2015 года Президент РФ вновь вернулся к этой теме, обозначив в качестве приоритета государственной политики поддержку людей с низкими доходами, наиболее уязвимых категорий граждан. Сказанное подтверждает важность понимания и научной (прежде всего, научно-правовой) интерпретации феномена бедности (и крайней ее формы – нищеты) населения в правовом пространстве [7, с. 105–108] современного социального, правового, демократического государства, выработки подходов к преодолению этой проблемы.

При этом на уровень качества социальности Российской Федерации начинают все больше негативно влиять санкционные условия, затухание оставшихся «по наследству» от СССР инерции социальной солидарности и институциональной инерции, изначально ошибочные решения в основе построения в постсоветский период российской экономики а также проблемы коррупции.

Литература

1. Аристов Е.В. Конституционно-правовой принцип социальности государства: зарубежный опыт правового обеспечения. М., 2013.
2. Аристов Е.В. Интерпретации содержания принципа социальности государства в правовых позициях судебных инстанций: Монография. М., 2015.
3. Аристов Е.В. Бедность: понятие и явление. Юридический аспект: Монография. М., 2015.
4. Конституция Российской Федерации / Принята всенародным голосованием 12.12.1993; с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
5. Лазарев Б.М. Что такое правовое государство. М., 1990.
6. Понкин И.В. Современное светское государство: конструктивная светскость. Конституционно-правовое исследование. М., 2006.
7. Понкин И.В. К вопросу об определении понятия «юридическое пространство» в контексте публичного управления // Власть. 2014. № 1.
8. Понкин И.В. Теория девиантологии государственного управления: Неопределенности, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении / Предисл. А.Б. Зеленцова. М., 2016.
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.01.2012. № 1. Ст. 216.
10. Стариков Ю.Н. Государственная служба и служебное право. М., 2015.

Scientifically-legal doctrine welfaring of the state*Aristov E. V., PhD (Law)*

The article investigates the doctrine welfaring of the state. The article considers the author's macro-concept of understanding and interpretation of the key principles and the framework of the welfare state.

Key words: *welfare state, welfaring of the state, constitutional law, basis of the constitutional system, constitutional-legal principle of the welfare state.*